

“ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ”

Размышления участника XIV Международных Лихачевских чтений, сидящего на балконе

С античности за словом “диалог” закрепились исключительно положительные коннотации: открытость, доброжелательность, заинтересованность в поиске общезначимых истин, комплементарных или компромиссных взглядов. Однако с тех же времен известно, что диалог — это “трудная проблема бытия”¹, и не только для индивидов, но и для народов: в той же поздней античности, даже в масштабах Средиземноморья, имевшего многотысячелетний опыт межэтнического и межкультурного взаимодействия, диалог народов и культур далеко не всегда проходил в сократическом режиме.

Поэтому сквозная тема Лихачевских чтений, регулярно проводимых в Санкт-Петербургском государственном университете профсоюзов², — диалог — остается вечно востребованным полем для консолидации усилий самых разных гуманитарных наук — ведь науки эти, до сих пор вольно или невольно следуя завету классика, стремятся не только объяснять реальность, но и — к добру ли, к худу — корректировать ее не всегда плавное течение.

Что же касается нашей страны, то здесь все трудности, зафиксированные в мировой истории, то ли умножаются на бесконеч-

ность, то ли возводятся в какую-то степень. Идеино возвращенное на бинарной, “лагерной” непримиримости³, российское сознание саму идею диалога воспринимает чисто отрицательно — чтобы убедиться в этом, достаточно зайти на любой форум в Интернете⁴. И даже у тех, кто вполне искренне признает важность и необходимость диалога, разговор о нем зачастую остается чисто риторическим, чтобы не сказать утопическим.

В российском интеллектуальном пространстве попытки доброжелательно и конструктивно обсуждать проблему с разных точек зрения и с уважением слушать другого наталкиваются на устойчивый монолизм этого самого бинарного сознания и диктаторское “самостояние” “правильной идеи”. Наследники Достоевского, мы, подобно его героям, не разговариваем, а возвещаем “идеи”-концепции, не нуждаясь в собеседниках, в осмыслении противоположных идей и точек зрения. И комплименты в адрес бахтинского многоголосия — это не более чем фигура речи: в реальности наши разговоры гораздо больше похожи на полилоги (шумы голосов), чем на сократические беседы.

Может быть, поэтому форумы, подобные Лихачевским чтениям, независимо от воли их организа-

ГУМАНИТАРНАЯ ХРОНИКА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНУ. Проект № 14-33-01012.

¹ Не случайно, видимо, тема межкультурных коммуникаций с первых же лет привлекала пристальное внимание журнала “Человек”. См., напр., Ситарам К., Когдел Р. Основы межкультурной коммуникации. 1992. № 2–5.

² Чтения проходили 15–16 мая 2014 года.

³ “Лагерной” в обоих смыслах слова: и как непримиримого — до искоренения всех “нейтралов” — противостояния двух и только двух лагерей, и как “лагерной психологии”, напрочь отрицающей свободу и индивидуальность и, кстати, утвердившейся в России задолго до появления собственно тюремных лагерей.

⁴ На то, как проявляется эта особенность в российском Интернете, обратил внимание, в частности, Н.П. Соколов в докладе на конференции “Тревога и надежда”, посвященной 90-летию со дня рождения А.Д. Сахарова (см.: Страна альтернативной истории? // Человек. 2012. № 4).

Пленарное
заседание

торов и участников таят опасность монологического диктата статусных докладчиков. По счастью, ничего подобного на последних “Чтениях” не было, хотя имена членов оргкомитета и докладчиков на пленарном заседании буквально излучали авторитетность. Все-таки имя Д.С. Лихачева обязывает, и руководству СПГУП до сих пор удается сохранять связанный с этим именем духовно-нравственный импульс. Лихачев завещал нам говорить тихо⁵, отстаивать позиции спокойно и достойно, не стоять априори в оппозиции чужой точке зрения и чужому слову. Мыслить с доброжелательной “оглядкой на другого” и быть искренним в своих суждениях — вот лучшие предпосылки всякого диалога.

Многообразие докладов и научных реплик на Чтениях прекрасно коррелирует с названием и основным содержанием доклада директора Института социологии РАН академика **М.К. Горшкова**: “Культура как пространство диалога цивилизаций”. В самом деле, можно ли позволить себе догматически возвещать истины о культуре или лелеять представления о монопольном приближении

к “истине” какой-то одной из культур, когда “ставку на культуру все в большей степени делает не только современная экономика, основой которой становится развитие творческих индустрий, но и политика”? Тут уж вступают в силу законы конкуренции: выигрывает не тот, кто сколь угодно талантливо доказывает истинность “своего”, а тот, кто эффективно усваивает все, что сулит успех. И опыт Японии, Китая, Южной Кореи подтверждает это с предельной убедительностью. Вместе с тем культура — это и вопрос идентичности, и, значит, слишком уж большой открытости не допускает: как отметил Горшков: “...культура закладывает в человеке ценностно-смысловую парадигму постижения мира, осознания своего места в нем”. Но главное, видимо, то, что она “тем самым становится способом преобразования действительности. Поэтому она представляет собой мощный ресурс социального развития”. Так что критерием правильного баланса “открытости” и “монологичности” культур по-прежнему остается пресловутая общественно-историческая практика.

⁵ “Тихость”, с моей точки зрения, есть синоним непартийности речи, противоположность которой — партийность — всегда предполагает наличие трескучих лозунгов, эмоционально окрашенных истерических деклараций, голосовых давлений на психику слушателей.

Разговор о культуре как инструментально-конструктивном основании исторического развития разных народов, цивилизаций, и о диалоге культур как о единственно возможном способе разрешения современных геополитических, военных, национальных конфликтов доминировал в докладах многих участников пленарного заседания независимо от их «цеховой принадлежности». Об этом говорили: **Г.М. Гатилов** — заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол, и чл.-корр. РАН, **А.А. Громыко** — профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик **А.А. Гусейнов** — директор Института философии РАН и многие другие.

Ректор Университета, чл.-корр. РАН **А.С. Запесоцкий** попытался привести разные идейные направления в работе конференции к единому знаменателю. В частности, он отметил: «Важной задачей отечественных гуманитарных наук становится теперь осмысление феномена Евразии в контексте современного знания. Специалисты в философии, культурологии, истории, этнологии, политологии, религиоведении и других отраслях знания должны концентрировать усилия не на продолжении спора между евразийством и «западничеством», а на выявлении возможностей синтеза этих двух подходов в дальнейшем развитии России, движении ее вперед».

Одним из самых цитируемых в кулуарах — академическим по форме и провокативным по содержанию — стал доклад А.А. Гусейнова о «своих и чужих» в глобализирующемся мире. Название доклада практически дословно совпало с названием одной из секций Чтений, и многие выступления на ней прямо начинались с комментариев к высказанным в нем положениям. Самые острые

споры вызвала идея о том, что многие «философско-культурологические теории, ориентированные в своих нормативных выводах на объединяющие людей общегуманистические принципы диалога, рационального дискурса, толерантности, содержат в себе собственные ограничения. Они не дают ответа на вопрос как строить диалог, оставаться в рациональном дискурсе, быть толерантными с людьми, которые не признают этих принципов и настроены на противоположный, разделяющий, воинственный тип отношений».

Действительно, как общаться с теми, кто не хочет этого? Ответ академика изящно прост: в глобализирующемся мире мы все станем хозяевами общего (единого) дома и поэтому *своих и чужих* здесь уже нет, а так как по природе мы все равны, как равны и по условиям сближения, то культурные (этнические) различия, национальные оппозиции отходят на смысловую периферию как «локальные» и несущественные. Так отзвуки просветительских теорий

Выступает академик А. Гусейнов

Секция 2. Диалог
и конфликты
культур в эпоху
глобализации

XVIII века неожиданно получили новую путевку в нашу глобализующуюся реальность: глобальный человек стал позитивной альтернативой пока еще имеющимся в наличии и субкультурно обособленным русским, евреям, таджикам, украинцам и т.д. Возражать против этого построения, как и против просветительских теорий, трудно. Проблема лишь в том, что многие противоречия куда легче примиряются на уровне теоретических построений, чем на уровне реальности.

Впрочем, А. А. Гусейнов и сам, видимо, понимает условность своего тезиса. Не случайно образом глобализирующегося мира в его докладе стала метафора якоря Зигмунда Баумана. «Современный житель земли, — замечает автор, — больше напоминает путешественника или моряка, бороздящего моря и океаны, чем привязанного к полю крестьянина». Как не вспомнить в связи с этим образом современного человека забытых сегодня греческих пиратов — людей, лишенных наследства, занимающихся грабежом на открытых просторах Эгейского мира, говорящих на многих языках, обладающих «универсальным» (по сравнению с крестьянами и война-

ми) мышлением, но при этом все же мечтающих бросить свой якорь не в океан, а зацепить его за землю, на которой можно жить, растить детей и сады, превратиться из враждебных обществу космополитов в нужных своему полису граждан. Если верить теории М.К. Петрова, именно из практики и мироощущения тех пиратов, заменивших удобную, почти инстинктивную традицию неудобным острашением, необходимостью все объяснять словами, и родилось «греческое чудо». Может быть, и нам следует ждать в скором будущем глобального интеллектуального взрыва от мигрирующих «моряков» XXI века? Уж очень хочется верить в гуманистические основы глобализации.

В кратком обзоре невозможно перечислить не только сюжеты, но и просто темы всех выступлений — ярких, неординарных, формирующих основу для дальнейшего развития отечественной гуманитарной мысли. В любом случае, диалог культур — как и диалог об этом диалоге — направлен на выработку новых стратегий и экономического, и политического, и духовного развития, на поиск способов преодоления конфронтации, на трудную выработку универсального

Секция 3. Свои
и чужие
в глобальном мире

дискурса толерантного разговора. В этой связи весьма иронично звучит тезис **В.Т. Третьякова**, декана Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова: “В любом диалоге есть победитель”. Правда, ирония здесь граничит с самообманом: ведь, с точки зрения пресловутой вечности, подобная победа чаще оказывается пирровой: “Нужно быть не только верными лихачевцами, но и трезвыми аналитиками. Желаемое не есть действительное. Культуры вступают не только в диалог друг с другом... В любом “диалоге” как минимум один из его участников жаждет и ищет победы; человечеству в целом такая победа не нужна, ибо закон существования мира — это разнообразие. Как только разнообразие исчезает (например, в результате победы даже самой утонченной и развитой культуры), гибнет культура вообще. То есть победитель, думая, что он “получает все, на самом деле не получает ничего, кроме выжженной земли и личного эгоистического удовлетворения”. Ведь по-другому дискурс не выстраивается: любая, самая лояльная позиция звучит как прескрипция — “принуждение к диалогу” (прошу прощения за несуразность выражения).

Впрочем, прежде чем разбираться со способностью культур к диалогу, стоит еще раз взглянуть, насколько способны к нему те индивиды, которые этот самый диалог обсуждают. На конференциях местом для диалога, как правило, являются кулуары и секции. О кулуарах мы говорить не будем — это дело приватное, а вот секций было четыре. Условно их можно назвать “цивилизационной”, “конфликтологической”, “культурологической” и “экономической”.

В работе всех четырех ориентация на диалог была продолжена, хотя все они больше или меньше сохраняли черты традиционно монологического обсуждения. И это несмотря на настойчивые призывы организаторов отказаться от “чтения текстов” и сосредоточиться на обсуждении идей⁶. Установка на дискуссию натолкнулись на устойчивую традицию русских интеллектуалов — не читать чужих текстов, не обсуждать чужие мысли, не интересоваться чужой точкой зрения. Да и много ли воспримешь в вывешенных на сайте наукообразных тезисах, лишенных типично русской эмоциональности и красоты (или, по крайней мере, окраски) эпитетов?

⁶ Призыв к дискуссиям, запрет “на зачитывание докладов” был даже вынесен на первую страницу бумажной версии программы XIV Лихачевских чтений. Тезисы докладов по всем секциям были вывешены на сайте СПбГУП примерно за месяц до начала конференции.

Секция 4.
Экономика и право
в контексте мирового
культурного развития

Так что дальше подступов к идеалу платоновско-сократовских собеседований заседания секций не продвинулись. И может ли быть иначе, когда десятки участников стремятся высказать что-то свое, уникальное, монологическое и при этом уложиться в отведенные семь минут? Разумеется, рискуешь не расслышать ни одного вопроса, ни одной дискуссионной реплики и так и не понять, кому же был интересен и нужен твой доклад, твоя идея. (Справедливости ради надо сказать: многое зависело от модераторов дискуссий на секциях и от культуры общения участников — некоторые считали своим долгом “отметиться” вопросом или комментарием по каждому выступлению). Но — почему бы не пометить?! — под влиянием происшедшего кое-кто из участников в дальнейшем может начать задумываться о ценности своих речей и, глядишь, как “свой своему” пожертвует причитающиеся минуты другому счастливцу-докладчику. Пожертвует не бескорыстно, а чтобы наслаждаться чужой мыслью и беседой о чем-то значимом для всех. Или, по-нашему, диалогом. Пока же нам иногда проще декларативно “изъять” идею “чужих” из пространства мира гло-

бальной миграции, чем с уважением выслушать короткое выступление коллеги и отреагировать на него как “на свое” с точки зрения аксиологической значимости. Совсем как в цитированном выше фрагменте из доклада В. Третьякова.

Лихачевские чтения давно завоевали в нашем гуманитарном сообществе статус одного из самых масштабных и авторитетных мероприятий. Но на межличностном уровне диалог в нашей гуманитарной науке, по-прежнему, остается недосыгаемым идеалом, ориентиром для будущих поисков *формы* внутри живого и непосредственного контакта признанных и пока еще малоизвестных исследователей. Тупикам монологического сознания есть альтернатива — диалогизм, который в счастливом завтра, возможно, придет к нам “как желанный иммигрант” (А. Бадью). Даже если он кому-то будет вовсе и нежеланен, будем верить в лучшее, ибо как сказано в “довольно остроумной богословской книге: вера — это способность взрослых людей утверждать истинность чего-то, о чем они точно знают, что оно не истинно”⁷.

© 2014 С.М. КЛИМОВА,
доктор философских наук

⁷ Мтр. Антоний (Сурожский). Труды. М.: Практика, 2002. С. 207.